

В порядке обсуждения

UDC 130.122

DOI: 10.21146/1606-6251-2019-3/4-220-229

М.С. РУБЛЕВ

СОСТОИТСЯ ЛИ МОСКОВСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ УМОЛЧАНИЕ?

***Аннотация:** Целью данной статьи является обоснование идеи, которая могла бы способствовать систематизации теоретических исканий на VIII Российском философском конгрессе. Этой идеей является предложение увидеть в личности средство мышления. Поворот методологических исканий в сторону активности субъекта закономерно приходит к личности. На этом пути у российской персонологии есть определенный задел.*

***Ключевые слова:** предмет философии, личность, умолчание, приобщение, постижение, Н. Бердяев, М. Бахтин, Ю. Хабермас, К-О. Апель.*

Обезличенная философия. Очень не хотелось бы по итогам предстоящего VIII Российского философского конгресса убирать знак вопроса из названия нашей статьи и оставлять фразу как констатацию печального факта. Что мы имеем в виду? Какое умолчание считаем событием, опять запланированным на предстоящем философском Конгрессе?

В связи с этими позволим себе упомянуть наши отклики на итоги двух предшествующих философских конгрессов в Нижнем Новгороде и в Уфе. Это заметки «Состоялось ли новгородское философское ополчение?» в «Вестнике Российского философского

Рублев Михаил Степанович – кандидат философских наук, доцент. Рязанский государственный агротехнологический университет. Российская Федерация, 390039, г. Рязань, ул. Бирюзова, д.23, кв.40; e-mail: mihail_rublev@mail.ru.

общества» № 3 за 2012 г., и «Состоялось ли уфимское философское прозрение?» в этом же журнале № 1 за 2016 г.

В этих замечаниях мы вынуждены были констатировать, что программы Конгрессов не включали ни одного мероприятия по обсуждению проблемы предмета философии и проблемы теории личности. Если не считать, правда, не вызвавшего интереса предложенного нами круглого стола «Личность как основание мышления» на уфимском Конгрессе.

Уклонение от обсуждения проблемы предмета философии и проблемы личности не случайно. Эти проблемы тесно связаны. Но, как сказал открывавший Конгресс академик В.С. Степин, проблематика для обсуждения вся укладывается в русло рекомендаций ВАК. Это то, что наезжено, апробировано и никого не трогает. Личность — это не актуально.

Мы предлагаем не делать из московского философского Конгресса 2020 года симпозиум по безличностной и беспредметной философии.

Во избежание этого для социально значимой работы предстоящему Конгрессу мы хотели бы предложить научную идею, подход к которой намечен со стороны многих направлений методологического поиска. Этой идеей является предложение *видеть в личности основание мышления*, его орудие. Разработка этой идеи предполагает восхождение от человека к личности по лапидарным ступеням: человек мыслит с помощью мозга, мозг мыслит с помощью личности, личность мыслит с помощью себя. Есть возможность выдвинуть гипотезу, что в философии мы максимально близко подходим к обнаружению использования личностью себя в мышлении.

Трудный момент здесь — необходимость дать личности онтологический статус. Человеческому индивиду с его мозгом онтологический статус мы дали, но как быть с личностью? На дворе XXI век, а мы обходимся совпадающим с Библией пониманием человека, разбавляя его замечаниями о личности. Требуется следующий этап протрезвления, выход на спрятанный в зоне умолчания пласт исторической реальности — личность. И тенденция уже видна. Система личности как процесс взаимодействия программ самореализации индивида все больше обнаруживает себя.

«Вестник Российского философского общества» публиковал уже материалы, связанные с тематикой личности. Как отмечает Г.Ю. Беляев, при внедрении новшеств в гуманитарной сфере «существенным изменениям начинают подвергаться понятийные ряды, связанные с понятием «"личность"». У. Эко, Ж. Делез, М. Фуко заметили эту тенденцию раньше остальных...» [3, 65].

Не будем лукавить: тут нас ждет большая сложность. Переход «на личность» наводит резкость как при фотосъемке. Констатируется эмпирический факт о двух качественно отличных состояниях личности как тотальности — неразвитом и развитом.

Всемирный философский конгресс в Китае замаскировал эту проблематику в виде конфуцианской идеологической линии — учиться быть человеком. На деле это благое пожелание содержит в себе задачу перехода массовой личности из неразвитого состояния в развитое.

Желание быть человеком сглаживает проблему, не предполагает сопоставления двух состояний личности, не ставит задачу преодоления личностной неразвитости хотя бы у интеллектуальной элиты общества. Думается, профессора Моисеев В.И. и Войцехович В.Э. не случайно отмечают, что кризис современной цивилизации проистекает из-за отсутствия опоры на лучшие внутренние свойства человека: «Несмотря на все декларации, субъект так и не введен в науку онтологически — у нас нет фундаментальной модели сознания...» [5, 47].

В философии личность обсуждали, но не было сделано методологически главного: личность не рассматривалась как основание мышления, как его орудие. Но ведь именно личность с ее параметрами является искомой системой для детерминистского, собственно научного, описания мышления, к чему нас настойчиво призывает академик А.В. Смирнов.

Э. Гуссерль и М. Хайдеггер явно шли к личности, но не дошли до нее, не отказавшись от изучения человека.

К чести русских мыслителей, личность они принимали к обсуждению. Так, Н. Бердяев писал в адрес западной философии, что идеализм Фихте, Шеллинга, Гегеля при всей своей творческой мощи не в силах был справиться с проблемами реальности, свобо-

ды, личности, ибо «...в онтологии их не осталось места для конкретной личности» [4, 17]. Буквально на злобу сегодняшнего дня Бердяев пишет: «Проблема, так остро поставленная Гуссерлем и взволновавшая весь философский мир, не может быть разрешена “критицизмом” и критической гносеологией. Сам Гуссерль выходит из пределов гносеологии» [4, 86]. А дошел Гуссерль вроде бы «до доньшка» реальности, до некоего «жизненного мира». Сочувственно цитирует Гуссерля и Л.А. Микешина: «Каково же основание для того, что мы можем выйти за пределы данного лишь в сознании “образа” и отнести его в качестве образа к определенному объекту, который чужд сознанию?» [6, 87].

Л.А. Микешина вместе с Гуссерлем оставляет открытым «метафизический» вопрос о реальностях, отличных от нашего Я, о природе и существовании внешнего мира. Как она считает, в этом должен помочь все более востребованный «жизненный мир» Гуссерля, ведущий к неким предпосылкам реального познания. «Я» контактирует с «внешним миром». Данность субъекту внешнего мира требует способа трансляции: или теорию отражения, или ильенковскую, препарированную до всеобщности, практику, или туманный «жизненный мир» феноменологии, или универсалии культуры. И это при том, что уже тысячи лет искомой предпосылкой реального познания является реальнейшая система – личность как основание мышления.

Личности имманентно дается открытость на Другого, на базе чего входят в мир мышления гуссерлевские объекты вместе с кантовскими скандально принимаемыми на веру вещами вне нас. Философии демонстрирует нам трудно происходящие в живой личности проблески инверсии, отодвигание матрицы приобщения и направления мышления в русло постижения.

Игнорирование этого факта закрывает движение в сторону создания методологии как диалектической логики, как раздела теории личности, чем, собственно, и должен завершиться путь философии и на что не смог выйти Э.В. Ильенков.

Нас поджидает трудный поворот: интеллектуальному поиску предстоит совершить отказ от привязывания рефлексивного философского мышления к «человеку». Это происходит уже две ты-

сячи лет. Тем не менее в течение прошедших веков просыпающийся интеллект в русле философии, особенно в российской, расшатывал образ абстрактного человека, пробуя от представления о человеке перейти к понятию человека, а далее — к личности.

Как личность вводилась в разговор, можно подсмотреть у Н. Бердяева. Он определил, что ни природа реальности, ни природа свободы, ни природа личности не могут быть постигнуты рационалистически. Они «вполне трансцендентны для всякого рационалистического сознания, всегда оставляют иррациональный остаток» [4, 16]. Таким остатком и предпосылкой гносеологии является существо как цельная жизнь духа. Выход на это существо предполагает освобождение от человеческой логики в пользу трансцендентальной вселенной, церкви.

Думается, современное прочтение замысла Н. Бердяева позволяет под трансцендентное и иррациональное подвести научную базу, изложить все в терминах теории личности.

Н. Бердяев предлагает усмотреть выход на обнаружение у личности развитого состояния и основанного на этом особого видения философских проблем. У него не было инструментария для полного описания ситуации, для этого нужно было отступить еще шаг назад от его позиции, и увидеть, что он себе мыслит под именем такого субъекта как церковь. Данную инстанцию Бердяев описывает как разум церковной веры. Это разум цельный и органический. Но его мы обнаруживаем не извне человека, а изнутри.

В глубине человека заложена реальная вселенная, вселенский разум. Как интеллектуальная интуиция, умственное созерцание обеспечивает связь индивидуального разума с универсальным разумом. В этом универсальном разуме гносеология соединяется с онтологией.

Бердяев относит личность к явлениям мира. В определенном состоянии ей открывается то, что именно с ней связаны явления, обсуждаемые в философии. Более того, в связи с личностью обнаруживаются, что факт бытия явлений мироздания тесно связан с бытием самой личности. Это бытие предшествует учению о бытии.

Теперь сопоставим построения Н. Бердяева с учением М. Бахтина, у которого движение идет от высказываний к выявлению их

порождающих механизмов. М. Бахтин их рассматривает как глубоко своеобразные диалогические отношения. Это — смысловые отношения, за которыми стоят речевые субъекты. Высказывания характеризуются как согласие, как понимание, полученные под эгидой третьего участника, «наадресата», получающего имени Бога, абсолютной истины, суда совести и т.д. Третий, в этом случае, говорит Бахтин, «не мистическое или метафизическое нечто, а конститутивный момент целого высказывания» [2, 90].

Наше предложение: мы усматриваем, что оба мыслителя идут к такому реально существующему основанию мышления как личность. Но основанием мышления личность они не объявляют. Это они показывают по косвенным признакам. От нас требуется признать, что личности неизбежно свойственно проецировать себя на действительность как единство Я и Другого. Эта истина незаметно вошла в плоть и кровь современной методологии как описание принципа самоосуществления личности.

Нужно констатировать, что личность может строить стратегию своего самодвижения с преобладанием одного из своих полюсов — Я или Другого. Именно преобладание Я при служебном подчинении Другого, позволяет конкретному индивиду ориентироваться на образ человека вообще, без рефлексии. Это стратегия приобщения, вписывания себя в мир через соединение с ценностями, близкими биологическим запросам.

Но нам интересно другое. И Н. Бердяев, и М. Бахтин пробуют дать слово личности, стремятся уйти от рассуждений о человеке вообще, и ключевой момент здесь — апелляция к некому третьему участнику. У Бердяева это иррациональное и мистическое — жизнь духа, где в единстве для начала пребывают и субъект, и объект. У М. Бахтина в диалоге обнаруживает себя заявляющий «наадресат» — третий, конститутивная инстанция для каждого высказывания. Русским мыслителям открывается не просто существование личности как системы, а наблюдение конкретизируется у них до обнаружения истинного субъекта и основания мышления — виртуальной личности. Ежесекундное взаимодействие на уровне индивида матрицы приобщения и матрицы постижения есть порождение во внутреннем мире индивида такого феномена как смысл,

т.е. рабочий инструмент для вписывания личностью себя в мироздание. Виртуальная же личность есть непрерывный процесс самопорождения смысла. В нем всякое исследование находит себе предмет: тут и слово, и высказывание, и субъект, и предикат, и сознание, и мышление, и имя, и концепт.

В продолжение поисков отечественных мыслителей по линии персонологии в наше время мы могли бы положить в копилку теории личности многие современные исследования по познанию сложных систем, по синергетике и космологии, да и, собственно, по теории личности, трудно пробивающейся к свету.

В Решении Российского философского конгресса проблема личности должна о себе заявить: «Я есть. Я — основание мышления. Онтология — это обо мне: о том, как я даю статус существования мирозданию на основе данности мне Другого». По большому счету, онтологический статус личности может дать только она сама, набрав силу через коллективный разум своих агентов.

В России понимают, что дело обстоит сложнее: за классовой борьбой обнаруживается более глубокий уровень — это борьба неразвитой и развитой личности, и что будущее за личностью развитой, генерирующей мир культуры по пути творчества. Думается, что эти выводы и лежат в основе предлагаемой А.В. Смирновым идеи «всечеловеческого» для будущего России.

В связи с этим обостряется вопрос о господстве в мировой истории неразвитой личности, о ее тормозящем влиянии на становление научного описания общества и личности и на решение вопроса о предмете философии. Такая личность не может ставить вопрос о личности как основании мышления, ибо ей придется поймать себя на рассуждательстве о человеке и обществе, на идеологизировании, на призывах к плюрализму.

Российский философский конгресс, введя личность в число детерминирующих мышление факторов, может методологически опередить Запад, ибо там мы видим беспокойный интеллект, вплотную подошедший к осмыслению феномена личности.

Запад почти догадался. Вывод такого рода можно сделать на фоне дискуссий, идущих в среде философской общественности на Западе. К началу XX века методологические изыскания стали наи-

более актуальными. Нет объекта без субъекта — этот вывод и есть движение к исследованию личностного аспекта мыслительной деятельности.

Для демонстрации этого мы хотели бы сравнить виденье природы философии со стороны Ю. Хабермаса и Карла-Отто Апеля.

Хабермас пересказывает мнение мыслителей, что философия должна быть системой высказываний, изложенной на языке, который сам себя разъясняет, словарь которого внутренне и самоочевидно окончательный. И все это должно происходить в русле идущей критики разума, которая может быть глубокой настолько, чтобы достигнуть корней и истоков. Приведем целиком такое суждение Хабермаса: «Философия сегодня, как и всегда, видит в себе защитницу рациональности, понятий в смысле эндогенного нашей форме жизни притязания на разум» [7, 222].

Хабермас сопоставляет собственные предложения с позицией Карла-Отто Апеля. Мы сделаем это же, но уже через призму гипотезы о философии как исследовании личностного аспекта мышления.

Вопросы Хабермаса получают определенное разрешение у Апеля. Он пишет, что анализ мышления приводит к выводу: «одинокий мыслитель в состоянии объяснить и доказать свою аргументацию лишь постольку, поскольку он может ...интериоризировать диалог потенциального аргументационного сообщества» [1, 301].

И еще важные замечания у Апеля: «К эмпирическим условиям этой коммуникативной компетенции, наряду с определенными константами ситуации человеческой жизни (такими как рождение...труд, борьба и т.д.), могли бы принадлежать и определенные врожденные «универсалии» «языковой способности», репрезентирующие языковой инстинкт человека...» [1, 258]. Апель сожалеет, что на эвристическую ценность трансцендентальной рефлексии как специфически философского метода в современной дискуссии о «предельном обосновании» почти не обращают внимания.

Стремление Ю. Хабермаса сохранить установку интеллекта в форме философии на поиск истинных оснований разума, самого себя, предложения К-О. Апеля усмотреть (этическое) личностное основание у той же логики — все это идет в одну точку встречи — к личности как истинному субъекту.

Вывод. Если VIII Российский философский конгресс сделает тему личности центральной для себя, придаст ей онтологический статус, то тем самым он выйдет на решение проблемы предмета философии. И Всемирный философский конгресс будет уже не нужен. Будет поздно. Конечно при условии, что «этим русским», т.е. нам самим, хватит духу, хотя бы в своем кругу, выйти на эту тяжелую для миллиардов человеческих существ, и особенно для их элит, тему личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апель Карл-Отто.* Трансформация философии. Пер. с нем. / Пер. В. Куренной, Б. Скуратов. — М.: Логос, 2001.
2. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // *Зинченко В.Г., В.Г. Зусман, Киризе З.И.* Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: Учебное пособие / 2-е изд. — М.: Флинта: наука, 2008.
3. *Беляев Г.Ю.* Инновации в системе современного образования // Вестник Российского философского общества, — 2017. — № 1(81).
4. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
5. *Моисеев В.И., Войцехович В.Э.* Кризис в науке. Что делать // Вестник Российского философского общества, — 2018. — №2 (86).
6. *Микешина Л.А.* Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. — 2016. — № 2. — С.85-94.
7. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. — М.: «Весь Мир», 2003.

Mikhail S. Rublev

WILL THE MOSCOW PHILOSOPHICAL DEFAULT HAPPEN?

Ryazan State Agrotechnological University. 23 Biryuzova Str., Ryazan, 390039, Russian Federation; e-mail: mihail_rublev@mail.ru.

Annotation: The purpose of this article is to substantiate an idea that could help systematize theoretical research at the VIII Russian Philosophical Congress. This idea is a proposal to see a means of thinking in a person. The turn of methodological research towards the subject's activity naturally comes to the person. On this path, Russian personology has a certain task.

Keywords: subject of philosophy, personality, silence, familiarization, comprehension, N. Berdyaev, M. Bakhtin, Yu. Habermas, K-O Apel.

REFERENCES

1. *Apel' Karl-Otto*. Transformatsiya filosofii. Per. s nem. / perevod V. Ku-rennoy, B. Skuratov. – М.: Logos, 2001.
2. *Bakhtin M.M.* Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh // Zinchenko V.G., Zusman V.G., Kirnoze Z.I. Mezhhkul'turnaya kommuni-katsiya. Ot sistemnogo podkhoda k sinergeticheskoy paradigme: ucheb-noye posobiye / 2-e izd. – М.: Flinta: Nauka, 2008. – S. 88–92.
3. *Belyayev G.YU.* Innovatsii v sisteme sovremennogo obrazovaniya // Vestnik Ros-siyskogo filosofskogo obshchestva. – 2017. – № 1(81).
4. *Berdyaev N.A.* Filosofiya svobody. – М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004.
5. *Moiseyev V.I., Voytsekhovich V.E.* Krizis v nauke. Chto delat' // Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva. – 2018. – №2 (86).
6. *Mikeshina L.A.* Fenomenologiya i obogashcheniye ponyatiy v epistemologii // Voprosy filosofii. – 2016. – № 2. – S.85–94.
7. *Khabermas YU.* Filosofskiy diskurs o moderne. – М.: «Ves' Mir», 2003.

Статья поступила в редакцию – 19.01.2020 г.

UDC 113

DOI: 10.21146/1606-6251-2019-3/4-229-241

А.Б. ШУЛЫНДИНА

МОЖНО ЛИ ИЗМЕРИТЬ ДОБРО ЛИНЕЙКОЙ?

Аннотация: В выступлении на круглом столе профессором В.И. Моисеевым была обоснована необходимость построения научно-гуманитарной этики, основанной на признании онтологической природы добра и зла. Эти категории рассматриваются докладчиком с позиции философии всеединства. Добро – то, что способствует развитию существа и усилению его многоединства, а зло – то, что приводит к деградации существа и уменьшению многоединства. Зло проявляет себя в стратегии паразитизма.

По мнению докладчика, большинство людей находятся в индифферентной позиции по отношению к добру и злу, а нравственный уро-

Шулындина Анастасия Борисовна – кандидат философских наук, секретарь Нижегородского отделения РФО, сотрудник Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки. Российская Федерация, 603005, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Пискунова, 40; e-mail: shulindinaab@mail.ru.
